

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ПОЭМА О МАТЕРИ

Сестра позвонила: ты помнишь, поэт,
что маме исполнится скоро сто лет?

Ну, что ж, соберёмся, поздравим её,
есть каждому вспомнить про маму своё.
Троих поднимала — ах, Боже ты мой!
Отец в сорок третьем вернулся домой.
Израненный, видел, что голодно тут.
Но Любка, и Борька, и Санька растут!
И вот в сорок пятом победном году
и я появился четвёртым в роду.
Ещё через семь мирных, радостных лет
Верунька, последыш, явилась на свет...

Вернуться бы в детство, во времечко то,
носить перешитое брата пальто.
Пастьба лошадей, сенокос, сеновал —
счастливее времени я не знавал.
На речку с утра я спешил поскорей,
на сетку успеть наловить пескарей,

АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Был редактором набережночелнинской городской газеты "Время" и межрегиональной литературной газеты "Звезда полей". В настоящее время — редактор литературного альманаха "Аргмак". Член Союза писателей. Автор десяти книг стихов. Живёт в Набережных Челнах.

а крупную рыбу в лугах бредешком
тащили по озеру братья тишком.

Зимой после школы, в вечерней тиши:
“Колянъка, Борису письмо напиши,
а я продиктую про то да про сё,
да только смотри — не рассказывай всё.
Пусть служит спокойно, тут справимся мы:
отец невиновен, не будет тюрьмы...”
И мама не знает — мой старший братан,
танкист, в Будапеште ходил на таран.
Она не умела читать и писать —
моя деревенская мудрая мать.

Вновь лето настало. И вместе с отцом
мы дом поднимали венец за венцом,
я скобелем шурил бревно за бревном,
и пахло смолистой сосною кругом.
Мне было в ту пору всего десять лет.
И мама на всехставляла обед,
чтоб среднему брату кусок пожирней,
он — главный на стройке. Ему всех трудней.
А батя — тот в кузнице горн раздувал,
наследным умением деньгу добывал,
да к вдовам нередко заглядывал он:
“У Ольги Хрульковой хорош самогон!”

Но были и праздники. В новой избе
весёлую свадьбу сыграли тебе,
мой брат Александр. Вернулся Борис.
А жизни качели — то кверху, то вниз.
Сестре помогали — училась Любовь.
А младшая, Верка, с мальчишками в кровь
любила подраться — защита была:
три брата навалются — куча мала...

Вся жизнь в деревенских заботах текла.
Маманя в печи караваи пекла.
И ныне по свету поди-поищи
вкуснее, чем в печке томлёные щи.
И разве забудешь: зимой на печи
всю хворь выгоняли из нас кирпичи.

А боров, заколотый под Рождество?
Разделять братья умели его.
Свиные палёные уши всегда —
для нас это лакомство, а не еда.
Сычуг и колбаски попробуй, мужик!
Готовила мама — проглотишь язык.
Пельмени — особый в семье ритуал.
Сам батя над мясом всегда колдовал,
в корыте рубил, посыпая снежком,
а мама семейку сажала рядком,
чтоб каждый учился пельмени лепить
с красивым узором. Таких не купить
сегодня нигде, уверяю, друзья!
Вот если закажете — сделаю я.

Картошку копать собирайся, народ!
На все тридцать соток у нас огород.

А это не меньше, чем двести мешков —
и в яму, и в подпол. Трех мужиков
хватало в семье. И не даст сачковать
“прораб”, то есть наша родимая мать,
хоть было обидно за весь урожай —
немалую часть “усударству” отдай.

— А чьи ребятишки в селе драчуны?
— Маришины, знамо. Задрать бы штаны,
по заднице каждого и отхлестать.
— Не надо. Со всеми справляется мать.
А если по правде признаться, я рад —
не била Мариша строптивых “ягнят”...

Сестра позвонила: ты помнишь, поэт,
что маме — ни много ни мало — сто лет?

Придём, повернёмся к могилам лицом.
Лежит, как положено, рядом с отцом,
поднявшая нас, воспитавшая нас,
и чистые слёзы польются из глаз.
И внуков, и правнуков мы привели
к кресту православному в чреве земли.
Мы знаем — душа нашей мамы сейчас
и видит, и слушает выросших нас.